

Brandner, Aleš

Способы выражения категории числа у имен существительных в русском языке

Linguistica Brunensia. 2009, vol. 57, iss. 1-2, pp. [93]-106

ISBN 978-80-210-4891-1

ISSN 1803-7410 (print); ISSN 2336-4440 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/115142>

Access Date: 27. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

АЛЕШ БРАНДНЕР

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА У ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Большая часть имен существительных в русском языке обозначает предметы, поддающиеся по счету, и может сочетаться с количественными числительными. Такие формы имеют соотносительные формы единственного числа – для обозначения одного предмета – и множественного числа – для обозначения нескольких или многих предметов (ср. Валгина – Розенталь – Фомина 2001, 166). Таким образом, категория числа дана противопоставлением по признаку множественности, причем формы множественного числа считаются маркированными; немаркированные формы, т. е. формы единственного числа, выражают в своей основной функции противоположность множественности, т. е. единичность (ср. Ковалев 1974). В формальном плане различие между единственным и множественным числом выражается грамматическими морфемами, причем вместе с другими категориями, т. е. с категорией падежа, а в единственном числе также с категорией грамматического рода. В плане выражения имена существительные утрачивают во множественном числе формальные показатели родовых значений (ср. Шведова 1980, 471).

Как видно, маркированный член противопоставления по множественности лишен противопоставления по грамматическому роду. В принципе категория числа выражается у имен существительных: 1) в системе склонения (а также словообразования), т. е. морфологически; 2) в особом типе связи слов – в согласовании, т. е. синтаксически; 3) в наличии несоотносимых форм единственного и множественного числа, т. е. лексически. В большинстве своем названные аспекты, характеризующие категорию числа, проявляются во взаимосвязи. Синтаксический способ выражения числа существует в чистом виде, например, для несклоняемых существительных (ср.: *мáленький шимпанzé – мáленькая шимпанzé*). Наоборот, поскольку одушевленность выражается лишь в сочетании с немаркированным родом или при отсутствии родового противопоставления, то маркированный член противопоставления по признаку множественности не знает никаких ограничений для категории одушев-

ленности, ср.: *знать этих мальчиков, этих девушек, изучать насекомых* (ср. Hořálek 1979, 311).

Среди имен существительных, обладающих противопоставленностью форм единственного и множественного числа, необходимо выделять группы существительных, у которых нет полной соотнесенности этих форм в силу семантического или стилистического различия (ср. Navránek 1961, 286). Задача представить соотносительность / несоотносительность значений существительных в единственном и множественном числе не требует подачи всего объема значений слова. Поэтому вместо полного описания всех значений взяты лишь случаи, которые иллюстрируют совпадение / несовпадение значений слова. Г. И. Рожкова (1987, 52–54) считает целесообразным разграничивать следующие группы слов:

1. Слова, имеющие формы единственного и множественного числа, несовпадающие по объему значений. При этом соотношение форм числа может быть двояким: а) формы единственного числа однозначны, формы множественного числа многозначны, т. е. во множественном числе имеется и новое по сравнению с формами единственного числа значение (ср.: *забота о близких × заботы о близких, домашние заботы; кадр в фильме × кадры в фильме, кадры специалистов; густой лес × густые леса, леса на стройке; недостаток в работе × недостатки в работе, материальные недостатки; важное обстоятельство × важные обстоятельства, домашние обстоятельства; продукт производства × продукты производства, продукты питания; средство связи × средства связи, средства на строительство; условие соревнования × условия соревнования, условия жизни; час отдыха × часы отдыха, часы на руке*); б) формы единственного числа многозначны, а формы множественного числа употребляются лишь в одном значении; следовательно, для одного или ряда значений единственного числа нет соотносительной формы во множественном числе (ср.: *официальная бумага, чистая бумага × официальные бумаги; анализ крови, анализ творчества × анализы крови; туристическая база, база экономики × туристические базы; устойчивое выражение, выражение лица × устойчивые выражения; праздничная демонстрация, демонстрация фильмов × праздничные демонстрации; долг товарищу, долг перед родиной × долги товарищу; достоинство характера, человеческое достоинство × достоинства характера; значение слова, значение трудов × значения слов; материал для исследования, материал на костюме × материалы для исследования; мера воздействия, мера ответственности × меры воздействия; спортивное общество, буржуазное общество × спортивные общества; культурная организация, организация работы × культурные организации; поле пшеницы, поле деятельности × поля пшеницы; порядок на столе, порядок голосования × порядки в семье; ряд кресел, ряд вопросов × ряды кресел; курсовая работа, работа в министерстве × курсовые работы; слово в словаре, заключительное слово × слова в словаре; сообщение из министерства,*

возду́шное сообще́ние × *сообще́ния из министрѐства*; *ссы́лка в те́ксте*, *ссы́лка в Сиби́рь* × *ссы́лки в те́ксте*; *душе́вная трево́га*, *возду́шная трево́га* × *душе́вные трево́ги*; *нау́чный труд*, *у́мственный труд* × *нау́чные труды́*; *харáктер ученика́*, *харáктер рабо́ты* × *харáктеры ученико́в*).

2. Существительные, которые в единственном числе многозначны, а во множественном числе для каждого из значений существительных имеется своя соответствующая форма (ср.: *пóвод у ло́шади*, *пóвод для сомне́ний* × *пово́дья у ло́шади*, *пово́ды для сомне́ний*; *ко́рпус заво́да*, *ко́рпус живо́тного* × *корпу́са заво́да*, *ко́рпусы живо́тных*; *крюк на потолке́*, *крюк для багра́* × *крюки́ на потолке́*, *крю́чья для багров*; *пионе́рский ла́герь*, *вражде́бный ла́герь* × *пионе́рские лагерьа́*, *вражде́бные ла́гери*; *лист бума́ги*, *лист на дере́ве* × *листи́ бума́ги*, *ли́стья на дере́ве*; *ли́сий мех*, *мех с вино́м* × *пуши́стые меха́*, *мехи́ с вино́м*; *о́рден на груди́*, *мона́шеский о́рден* × *ордена́ на груди́*, *мона́шеские о́рдены*; *про́пуск заня́тий*, *про́пуск на заво́д* × *про́пуски заня́тий*, *пропусká на заво́д*; *электри́ческий ток*, *ток для молотьбы́* × *электри́ческие то́ки*, *тока́ для молотьбы́*; *тон в кра́ске*, *тон в се́рдце* × *тона́ в кра́сках*, *то́ны в се́рдце*; *хлеб на поля́х*, *хлеб в пека́рне* × *хлеба́ на поля́х*, *хле́бы в пека́рне*).

3. Существительные, которые во множественном числе имеют дублетные формы для разных значений, а в единственном числе лишь одна форма соответствует одному из значений, т. е. в одном из значений отсутствует соотносительная форма в единственном числе (ср.: *сче́т в рестора́не* × *счета́ в рестора́не*, *сче́ты для касси́ра*; *вес това́ра* × *веса́ това́ров*, *веси́ для взвѣшивания*; *ко́рень дере́ва* × *ко́рни дере́ва*, *корёнья для су́па*; *прóвод для телефо́на* × *провода́ для телефо́на*, *прóводы отца́ на вокза́л*).

4. Существительные, у которых формы единственного и множественного числа не совпадают по значению и, следовательно, не составляют соотносительных по числу пар (ср.: *волне́ние в душе́* × *волне́ния в наро́де*; *беспоря́док в ко́мнате* × *беспоря́дки среди́ населѐния*; *власть наро́да* × *горо́дские вла́сти*; *возмо́жность поѐздки* × *материа́льные возмо́жности*; *вы́бор това́ров* × *вы́боры депутáтов*; *го́нка воору́жения* × *го́нки мотоцикли́стов*; *грязь на у́лице* × *лече́бные гря́зи*; *знáние жи́зни* × *знáния у студѐнтов*; *ма́сса рабо́ты* × *наро́дные ма́ссы*; *мозг челове́ка* × *мозги́ /кушанье/ в сметáне*; *настро́ение у челове́ка* × *настро́ения в наро́де*; *нужда́ в семье́* × *нужды́ ме́стной промь́шленности*; *осáдок в душе́* × *осáдки в атмосфе́ре*; *отноше́ние к де́лу* × *отноше́ния ме́жду людьми́*; *поку́пка автомаши́ны* × *поку́пки в магази́не*; *потре́бность в действии́* × *духо́вные потре́бности*; *телегра́фная связь* × *связи́ в обществе́*; *си́ла зако́на* × *си́лы оппози́ции*; *украше́ние до́ма фла́гами* × *ёлочные украше́ния*; *чтѐние кни́ги* × *юбилей́ные чтѐния*).

Формы единственного числа существительных с *отвлеченным* значением типа *желáние*, *намерѐние*, *привы́чка*, *попы́тка*, *мечта́*, *возмо́жность*, *способно́сть* и т. п. употребляются в сочетаниях с инфинитивом в фун-

кции определения. ср.: *желание узнать, намерение выбрать, привычка отдыхать, попытка поехать, мечта учиться, возможность рассуждать, способность выполнить*. Формы множественного числа в сочетаниях с инфинитивом неупотребительны, хотя и отмечаются такие случаи, ср.: *возможность учиться* × *большие возможности учиться*. Для существительных во множественном числе более типичны словосочетания с согласованным определением, ср.: *стремление рассуждать* × *лучшие стремления*; *способность учиться* × *лучшие способности*; *возможность понять* × *широкие возможности*.

Отглагольные существительные со значением действия в форме единственного числа широко сочетаются с несогласованным определением или дополнением, в то время как существительные во множественном числе входят в сочетания с согласованным определением, иногда терминологического характера, ср.: *выражение признательности* × *терминологические выражения*; *изменение расписания* × *коренные изменения*; *отношение к товарищам* × *дипломатические отношения*; *перемена климата* × *политические перемены*; *потребность в знаниях* × *повседневные потребности*; *преобразование общества* × *социальные преобразования*; *привычка трудиться* × *плохие привычки*; *убеждение в правоте* × *идеологические убеждения*; *интерес к истории* × *государственные интересы*.

Из приведенных примеров следует, что правильное употребление нужной формы числа существительного в речи требует учитывать его различные синтаксические связи, структуру словосочетания и характер его компонентов (ср. Рожкова 1987, 53).

Как уже было отмечено выше, у существительных грамматическая категория числа связана, как правило, с категорией счетности. Поэтому там, где счетность семантически исключена, противопоставление по категории числа отсутствует. При отсутствии признака счетности говорится о семантической мотивированности существительных *singularia tantum* и *pluralia tantum*. Внутри каждой группы вычленяются разряды слов, имеющих лексико-грамматические особенности.

Среди существительных ***singularia tantum*** выделяются назавния веществ, абстрактных понятий (качеств, свойств, действий, состояний), собирательные названия и собственные имена.

Лексико-семантическую группу слов с ***вещественным*** значением можно разделить на несколько семантических подгрупп: а) полезные ископаемые (ср.: *железо, медь, золото, серебро, янтарь, нефть*); б) строительные материалы (ср.: *цемент, песок, дерево, черепица*); в) химические элементы, их соединения, лекарства (ср.: *азот, водород, кислород, аспирин, йод*); г) сельскохозяйственные культуры, растения (ср.: *рожь, просо, горюх, репа, свёкла, чай, табак, земляника, малина, картофель*), д) пищевые продукты (ср.: *мясо, баранина, свинина, говядина, рыба, сало, масло, творог, молоко, сметана, вино, вода, чай, мед, мука, сахар, соль*).

и бытовые предметы (ср.: *мýло, шерсть, шёлк, бума́га, уго́ль, кирпи́ч, ка́мень, лёд, снег*). В этой группе объединены существительные, обозначающие разного рода вещества, измеряемые, но не поддающиеся счету и не членимые на отдельные количественные единицы этого вещества. Сочетания с количественными числительными им не свойственны, кроме случаев, когда названные вещества выступают в виде внешне оформленного объектного количества (ср.: *оди́н стака́н молока́, две кру́жки т́ива, три буты́лки вина́, четы́ре коро́бки са́хара, пять па́чек со́ли*). Так как это несчитаемые понятия, измерение их массы, объема, веса выражается следующим образом, ср.: *литр воды́, то́нна желе́за, корзи́на мали́ны, килогра́мм са́хара* и т. п.

В словосочетаниях, обозначающие определенную меру количества, одни вещественные существительные входят только в форме родительного падежа множественного числа (ср.: *килогра́м оре́хов, я́блок, огури́цов, помидо́ров, абрикосо́в, бобо́в, бана́нов, лимо́нов, апельси́нов, фи́ншкoв, груш*), другие – только в форме родительного падежа единственного числа (ср.: *килогра́мм мали́ны, клубни́ки, земляни́ки, моркóви, лу́ку, карто́шки, све́клы, сала́та, реди́ски, капу́сты*). Причем в словосочетаниях, в которых употребляется только форма родительного падежа единственного числа, отмечены как существительные, не имеющие формы множественного числа, так и существительные, противопоставленные по числу (ср.: *килогра́мм ви́шни, сли́вы, ты́квы, арбу́за, ды́ни*). По Г. И. Рожковой (1986, 32) такие несимметричные структуры связаны с лексически ограниченной группой слов, обозначающих названия фруктов, ягод и овощей. Разграничение употребления этих форм, видимо, связано с понятиями расчлененного множества и нерасчлененного единства. Таким способом можно рассматривать словосочетания с формой родительного падежа единственного числа: единственное число здесь выступает как обозначение части общей массы одного предмета. Там, где речь идет о расчлененном множестве, выступает форма множественного числа (ср.: *маши́на арбу́зов, мешо́к дынь, гру́да ты́кв*). В связи с этим можно выделить семантические подгруппы слов, способные передавать в единственном числе нерасчлененное единство, а во множественном числе – расчлененное множество (ср.: *пять килогра́мм све́клы × пять све́кол; два килогра́мма карто́шки × пять карто́шек; полкилогра́мма реди́ски × четы́ре реди́ски*).

Некоторые существительные с вещественным значением образуют т. наз. *сингулятивны*. Сингулятивные формы единственного числа имеют соотносительные формы множественного числа. Они получают возможность сочетаться с количественными числительными (ср. Исаченко 1954, 120–123; Straková 1962/63). Признаком сингулятива является суффикс *-ин(а)* (ср.: *солóмина, тросты́на, горо́шина, жемчу́жина, льды́на, карто́фелина, гради́на „kroupa“, мали́нина, минда́лина, изю́мина, крупы́на, прово́лочина „kus drátu“, желе́зина „kus železa“*) или *-инк(а)*

(ср.: *кофе́инка* „zrnko kávy“, *чай́нка* „zrnko čaje“, *песчи́нка*, *гори́шинка*, *карто́фелинка*, *солóминка*, *жемчу́жинка*, *льди́нка*, *крупинка*, *мали́нка*, *золоти́нка* „zrníčko zlata“, *крови́нка* „kapka krve“, *дожди́нка* „kapka deště“, *снежи́нка*, *волоси́нка* „vlásek“, *пуши́нка* „pírko“, *сопи́нка* „smítko“, *мяси́нка* „kousíček masa“). Этот словообразовательный тип является, особенно в языке художественной литературы, довольно продуктивным (ср. Horálek 1979, 617).

Однако в разговорной речи при обозначении некоторого количества порций, упаковок вещества возможны сочетания вещественных существительных с количественными числительными (ср.: *два кефи́ра* = две бутылки или два пакета кефира, подобно: *три молока́*).

Вещественные существительные употребляют формы множественного числа для обозначения разных сортов той же материи (ср.: *ма́сло* × *сма́зочные масла́*, *по́чва* × *структу́рные и бесструкту́рные по́чвы*, *ста́ль* × *высокока́чественные ста́ли*, *мра́мор* × *лучи́шие мра́моры*, *мета́лл* × *тяже́лые мета́ллы*, *трава́* × *облагоро́женные тра́вы*, *вино́* × *десе́ртные ви́на*, *крупá* × *разнобра́зные крупы́*, *таба́к* × *высокосо́ртные табаки́*, *со́ль* × *минерáльные со́ли*), далее при выражении соотношения величин по массе, объему вещества (ср.: *песо́к* × *пески́ в Кара́-Ку́мах*, *хлеб* × *хлеба́ на поля́х*, *вода́* × *весенние во́ды*, *снег* × *обильне снега́*). Языковеды отмечают практически безграничную возможность образования форм множественного числа от вещественных существительных. Новые значения форм множественного числа функционируют в первую очередь в сфере профессиональной речи, откуда они постепенно проникают в общелитературную речь (ср. Арбатский 1958).

На несколько семантических групп может быть подразделена лексико-семантическая группа слов с *отвлеченным (абстрактным)* значением: а) абстрактные качества (ср.: *белизна́*, *тишина́*, *че́стность*, *ра́венство*, *сосе́дство*, *ханже́нство* „farizejství“, *паникёрство*, *бытие́*, *объятие́*, *разви́тие*, *поня́тие*, *мышле́ние*, *реáльность*, *скро́мность*, *интенси́вность*, *тоска́*, *высота́*); б) опредмеченные действия (ср.: *ходьба́*, *беготня́*, *возня́*, *финанси́рование*, *нормиро́вка*, *проектиро́вка*, *новелиро́вка*); в) физические и психические процессы и состояния (ср.: *грусть*, *ра́дость*, *го́рдость*, *акти́вность*, *интенси́вность*, *тоска́*, *высота́*, *ра́венство*, *боле́знь*, *ги́бель*, *хо́лод*, *сон*, *добро́*, *зло*); г) географические понятия и названия месяцев (ср.: *се́вер*, *юг*, *запа́д*, *восто́к*, *январь*, *дека́брь*); д) абстрактные понятия, заимствованные из других языков (ср.: *коми́зм*, *драмати́зм*, *эроти́зм*, *динами́зм*, *релативи́зм*, *инструкта́ж*, *аборда́ж* „zahákování lodi“).

Отвлеченным существительным, как правило, не свойственны сочетания с количественными числительными. Возможны, однако, словосочетания, дающие общую количественную характеристику с неопределенно-количественными словами (ср.: *мно́га шу́ма*, *ма́ло ра́дости*), а также словосочетания типа *бе́здна терпéния*, *стра́шный хо́лод*, *бескра́йняя ширь*.

В современном русском языке последних десятилетий можно отметить, что абстрактные существительные, приобретая конкретно-определенный характер, образуют формы множественного числа (ср. Арбатский 1963). Возникают таким образом соотносительные пары, у которых единственное число обозначает отвлеченное качество, а множественное – конкретные предметы, обладающие этим качеством (ср.: *ра́дость и го́ресть* × *ра́дости и го́рести суро́вой жи́зни, ско́рость* × *высо́кие ско́рости, даль* × *неогля́дные да́ли, сла́бость* × *лю́дские сла́бости, боль* × *постоя́нные бо́ли, шум* × *си́льные шу́мы, вкус* × *разли́чные вку́сы, высотá* × *го́рные высоты, хо́лод* × *осе́нние холода́, красота́* × *приро́дные красóты, глубина́* × *морские глубины́, мо́щность* × *мо́щности объё́ктов, ёмкость* × *ёмкости резервуáров, бога́тство* × *минерáльные бога́тства, сила́* × *воору́жённые си́лы). Эти соотношения подкрепляются корреляциями, свойственными вещественным именам существительным типа *нефть* × *не́фти, ма́сло* × *масла́*. Активно употребляются формы множественного числа со значением сложного действия (ср.: *лесога́зото́вки „těžba dřeva“*, *хлебопоса́вки „dodávka obilí“*, *лесопоса́дки „lesní výsadba“*). Г. И Рожкова (1987, 66) это явление объясняет наличием в языке слов *pluralia tantum* типа *хло́пота, перего́воры*. Из вышеприведенных примеров следует, что употребление форм множественного числа расширяется также у отвлеченных существительных с суффиксом *-ость*, которые приобретают значение разных качественных характеристик, ср.: *повы́шенные ско́рости, ма́лые интенсivéности* (ср. Арбатский 1958). Живые тенденции расширения употребления форм множественного числа с конкретным значением вызывают конкурирующее употребление форм множественного числа наряду с формами единственного числа (ср.: *надóй – надóи, привéс – привéсы, посе́в – посе́вы*).*

В лексико-грамматической группе с общим значением *собира́тельности* можно выделить также несколько семантических подгрупп: а) совокупность лиц по общественно-социальному или возрастному признаку (ср.: *студе́нчество, крестя́нство, учи́тельство, офи́церство, дворя́нство, купе́чество, меца́нство, каза́чество, челове́чество, духо́венство, пролетариáт, интеллиге́нция, профе́ссора, клиенту́ра, аспиранту́ра, пионе́рия, инже́нерия, артилле́рия, кавале́рия, солдатня́ „soldateska“, пехо́та, беднота́, детвора́ „děti, drobotina“, родня́, молодня́к „mlád'ata“*); б) совокупность живых существ и лиц на основе их общего качественного признака, чаще всего с эмоциональной окраской (ср.: *офи́церьё „důstojníci“, кулачье́ „kulactvo“, юнкерье́ „junkerstvo“, бабье́ „baby“, зверье́ „zvěř“, хулиганье́ „chuligáni, chuligánská sebranka, banda“*); в) совокупность предметов на основе их общего качественного признака (ср.: *зеле́нь, ме́лочь, бельё, гнильё „hniloba“, старье́ „veteš“, рваньё „hadry“, тряпье́ „cáry, hadry“, сырьё, листьва́, хво́я, ботва́, ме́бель, оде́жда, ору́жие*); г) совокупность однотипных растений (ср.: *куста́рник „křoví“, е́льник „jedlový n. smrkový les“, иви́як „jiloví, vrboví“, дубня́к „dubový les“, березня́к „březový les“, виногра́тник „vinice“*).

Приводимые в отдельных подгруппах слова не имеют значения единичности, они передают значение неделимого качества. Этим словам не свойственны сочетаемость с количественными числительными и понятие счета; для обозначения большого или меньшего количества данных понятий в языке используются самостоятельные единицы, которые передают общее значение количества, ср.: *много бедноты, мало детворы, небольшой ёльник, огромная родня* и т. п. Некоторые слова не допускают счета вообще, они не могут сочетаться и с неопределенно-количественными словами. Возможны сочетания типа *часть крестьянства, одна треть студенчества*.

Особо должна быть выделена подгруппа существительных, которые, передавая понятие собирательности как некое множество в единстве, вместе с тем допускают сочетания со словами, обозначающими счет, и имеют соотносительные формы единственного и множественного числа (ср.: *народ – народы, отряд – отряды, хор – хоры, оркестр – оркестры, полк – полки, табун – табуны, стадо – стада, стая – стаи, коллектив – коллективы, группа – группы, толпа – толпы*). В форме единственного числа такие существительные, подобно всем собирательным существительным, обозначают совокупное множество, но в то же время они сближаются с конкретными существительными и, имея формы множественного числа, допускают сочетания с количественными числительными, ср.: *один полк, три отряда, пять табунов* (ср. Дегтярев 1982).

В целом специфичность подгруппы собирательных существительных, обозначающих совокупность лиц по их общественно-социальному признаку, проявляется в том, что все эти существительные остаются в рамках категории неодушевленности, т. е. имеют формы винительного падежа равные именительному (ср.: *воспитывать студенчество, поднять пролетариат на борьбу*). Подобно в рамках категории неодушевленности остаются существительные со значением совокупного множества, имеющие соотносительные формы единственного и множественного числа (ср.: *привлечь весь народ к участию, выстроить полки и отряды*).

„Истинные” собирательные существительные требуют в согласовании форм единственного числа (ср.: *Всё крестьянство подписало воззвание*). Подгруппа существительных, обозначающих множественность лиц как целое, в совокупности, характеризуется обычными нормами в согласовании (ср.: *Весь народ поднялся на защиту страны, Все отряды приняли участие в строительстве*).

Последнюю группу составляют *имена собственные*. Их название состоит в индивидуализации (лиц, местностей), ср.: *Пётр Ильич Чайковский, Вера Инбер, Москва, Волга, Амур, Кавказ*. Обозначая членов одной семьи, названия лиц могут употребляться также в форме множественного числа (ср.: *Реформатские были известны как химики, Фамусовы ещё не перевелись*). Кроме того, значения фамилии в форме множественного числа обозначают семью, целое поколение, род, ди-

настию (ср.: *Ивановы жили здесь до 1947 г., Петровы въехали на дачу, Романовы утратили право на престол*). В форме множественного числа могут употребляться имена собственные, если они превращаются в нарицательные; множественное число может передавать обобщенный тип людей на основе характерной черты – часто отрицательной – какого-либо героя (ср.: *Хлестаковы могут быть и среди нас; Нам нужны новые Гоголи и Щедрины, которые огнём сатиры выжигали бы из жизни всё отрицательное*). Встречается также окказиональное употребление форм множественного числа (ср. реплика по телефону: *Вам Иванова? Вы ошиблись, Ивановых здесь нет*).

В русском языке имеется значительное количество существительных, употребляющихся только во множественном числе. Это т. наз. **pluralia tantum**. По А. А. Зализняку (1967, 58–60) между группами *singularia tantum* и *pluralia tantum* нет параллелизма. Асимметрия этих групп выражается в том, что существительные *singularia tantum* потенциально образуют формы множественного числа, существительные же *pluralia tantum* проявляют свои характеристики – одни существительные не могут иметь форм единственного числа (ср.: *сани, ворота, ножницы*), другие представляют собой фактически омонимичные формы с единственным числом (ср.: *час „60 минут” × часы „хронометр”*).

В категории слов *pluralia tantum* имеются существительные, которые лишь синтаксически передают значение числа, но по существу, в соответствии со своей семантикой, реальную категорию числа не выражают (ср. Дегтярев 1982). Это несчитаемые вещественные существительные. Среди существительных этой группы можно обособить две лексико-грамматические группы: нарицательные существительные и существительные собственные. Внутри каждой из них выделяются более узкие подгруппы, объединенные общей семантикой и синтаксическими признаками.

В состав нарицательных существительных *pluralia tantum* входят следующие группы слов:

1. Названия конкретных **парных** и **составных** предметов (ср.: *брюки, штаны, шаровары „široké kalhoty”, шорты, колготы, шоры „klapky na očích”, весы, перила, грабли, гусли, сани, дрóвни „selské saně”, рóзвальни „venkovské saně”, салазки „saně, smykadla”, дрóжки „kočár”, вилы, вóжжи, ворота, гóльфy „pumpky”, крáги „holeně; vysoké gamaše”, рейтúзы „jezdecké kalhoty”, кальсоны „spodky”, подштáнники „spodky”, клéщи, кусáчки „štípačky”, плоскогúбцы „ploché kleště”, нóжницы, носилки, окóвы, кандалы „okovy”, пúты „pouta”, úзы „pouta, okovy”, очкú, мосткú „příčná kláda přes potok”, нáры „pručna”, нóжны „pochva na šavli”, лáты „brnění”, подмóстки „podstavec, lešení”, полáти „palanda”, пяльцы „vyšivací rám”, панталóны „pánské dlouhé kalhoty”, плáвки, подтяжки „šle”, нóмочи „šle”, нóручни „madla”, кавычки, кóзлы „kozlík”, курáнты, сóты „plástve medu”, стропíла „krov, střešní vazba”, счёты, хорóмы „komnaty”, часы, хóдики „kyvadlové hodiny se závažím”, чётки „růženec”.*

2. **Собирательные** существительные (ср.: *алимэнты, дэньги, финансы, командировочные, сүточные, прогóны* „cestovné“/zast./, *наличные, наградные, побóры* „dávky, vysoké daně; úplaty, vydírání“, *ресурсы, сверхурóчные* „práce přes čas“, *торгú* „výroční trh“, *миáзмы, мóщи* „ostatky svatých“, *начáтки* „prvoročátku“, *письменá* „písmena, litery“, *слáсти* „pamlsky“, *чáры* „čáry, kouzla“, *ихэры* „skalnaté ostrůvky, skály pod vodou“, *обóи* „tapety“, *всхóды* „osení“, *зеленя* „osení obilovin (ozimů i jařin)“, *недра, зáросли, задвóрки* „humna“, *джунгли, дэбри* „houští“, *трóпики* „тропу“, *субтрóпики* „subtropu“, *брызгú* „krůpěje“, *дровá, кúдри, хлóпья*. В группу pluralia tantum со значением собирательности можно включить образования субстантивированных прилагательных из области семейных отношений (ср.: *блízкие, родные, домáшние*, далее из области зоологии и ботаники (ср.: *позвонóчные, парнокопýtные, непарнокопýtные, жвáчные, яровые, озímые*).

3. **Отвлеченные** существительные, обозначающие: а) состояние природы и отрезки времени (ср.: *зáморозки, потёмки, сýмерки, бúдни, сýтки*); б) разные формы высказывания или общения (ср.: *дебáты, переговоры, мемуáры, брédни* „blouznění“, *врáки* „žvásty“, *дрязги* „klepy“, *кóзни* „úklady, pikle“, *кóлики* „kolika, píchání“, *кривотóлки* „křivá nařčení“, *напáдки* „útoky“, *хлóпоты, нелады* „různice“, *побóи* „bití, výprask“, *прóиски* „intričky, pikle“, *рóсказни* „tlachy“, *пересúды* „klepy, pomluvy“, *тóлки* „povídáčky“, *шáшши* „intričky“, *посиделки* „táčky“ /večerní procházku na venkově/); в) общественные и бытовые действия, массовые игры, обряды (ср.: *бегá* „dostihy“, *выбóры, лесозаготóвки* „výkup obilí“, *прóводы, пóиски, сбóры* „připravu“, *рóды, смотрúны* „námluvy“, *именúны, родúны* „slehnutí, porod“, *крестúны, пóхороны, помúнки, святки* „období od Vánoc do Tří králů“, *чэрви* „herce“ /v kartách/, *пúки* „piky“ /v kartách/, *бúбны* „kára“ /v kartách/, *трэфы* „kříže“ /v kartách/; сюда относятся далее pluralia tantum, встречающиеся только в сочетаниях с „играть“ или „игра“: *в жмурки* „na slepou bábu“, *в прятки* „na schovanou“, *в сáлки* „na honěnou“, *в горелки* „na honěnou“, *в пятнашки* „na honěnou“, *в кегли* „kuželky“, *в городки* „gorodky“.

4. **Вещественные** существительные, обозначающие: а) пищевые продукты, полуфабрикаты (ср.: *дрóжжи, консервы, коренья, макарóны, мозги, пóчки, потрохá* „vnitřnosti“, *припáсы* „zásoby“, *сливки, специи* „koření“, *сухофрукты* „sušené ovoce“, *харчú* „strava, potrava“, *щи, овощи, фрукты*); б) отходы в производстве или пищевые остатки (ср.: *выварки, выгребки* „výhrabky, smetí“, *выжимки* „výhnětky, výtlačky“, *вымолотки* „úhrabky, plevy“, *выпарки* „usazenina po odpaření“, *высевки* „zbytky po prosívání“, *опúлки* „piliny“, *опúвки* „to, co zůstalo nedopito“, *оттóпки* „škvára“, *подóнки* „usazenina, zbytky na dně“, *последки* „zbytky“, *очистки* „odpadky při čištění“, *обмóтки* „ovinoваčky“, *отруби, отбросы* „odpad, brak“, *помóи* „pomůže“, *струэжки* „hobloваčky“, *отхóды /производства/* „odpad při výrobě“); в) различные химические вещества, жидкости, ма-

териалы (ср.: *беліла* „běloba“, *духі*, *квасці* „kamenec, ledek“, *румяна* „červené líčidlo“, *черніла*, *хімікаліі*, *боенпріпасы* „střelivo“, *огнеупоры* „ohnivzdorný materiál“).

К составу собственных существительных pluralia tantum можно отнести следующие группы слов:

1. **Географические** названия, т. е. названия городов, проливов, групп, островов, горных систем (ср.: *Афіны*, *Холмогоры*, *Горки*, *Велікіе Луки*, *Анды*, *Балканы*, *Соловки*, *Дарданелы*, *Курилы*, *Жигулі*, *Альпы*, *Карпаты*, *Пиренеи*, *Хибины*).

2. Названия *созвездий* (ср.: *Весы*, *Близнецы*, *Рыбы*, *Плеяды* „Plejady, Kuřátka /skupina sedmi hvězd v souhvězdí Výka/“).

Типичным признаком существительных pluralia tantum является их неоднородность; она проявляется в отношении возможности или невозможности сочетаться с числительными. С количественными или с собирательными числительными сочетаются только слова из 1-ой подгруппы, обозначающие парные и составные предметы (ср.: *одні ворота*, *двоє но́жниц*). Практически можно считать, что существительные 2-ой, 3-ей, 4-ой подгрупп почти не сочетаются с числительными в их конкретном значении счета. Есть, конечно, отдельные исключения (ср.: *сўтки – двоє сўток*), далее в тех случаях, когда существительные pluralia tantum берутся с конкретным значением времени или предмета, имеющего определенную форму или объем (ср. разг.: *двоє щей* = две тарелки щей). Особо должна быть отмечена сочетаемость существительного со словами неопределенного количества. Со словами типа *много*, *мало* имеют возможность сочетаться слова из всех подгрупп (ср.: *много денег*, *мало хором*, *много ресурсов* и т. п.), хотя есть слова, в силу разного рода причин не употребляемые в таких сочетаниях (нельзя, например, сказать **много недр*, **мало жму́рок*). Со словами *многие*, *некоторые* имеют возможность сочетаться только слова, обозначающие конкретные парные и составные предметы, ср.: *Многие часы отставали*, *Некоторые куря́нты требовали ре́монта* (ср. Рожкова 1987, 63).

Разряд существительных pluralia tantum в русском языке почти непродуктивен (ср. Исаченко 1954, 111). Новые слова, пополняющие этот разряд, образуются преимущественно от прилагательных (ср.: *яровые*, *зерновые*, *кормовые*, *тайнобрачные* „tajnosnubné“, *цитрусовые* и т. п. в ботанической терминологии; *позвоночные*, *живачные*, *парнокопытные* и т. п. в зоологической терминологии). В профессиональных стилях возникают, однако, новые слова, употребляющиеся только во множественном числе (ср.: *огнеупоры* „ohnivzdorné látky“, *лесоматериалы* „užitkové dřevo“, *метізы* = металлические изделия). В литературный язык эти слова проникают через печать.

В научной и учебной литературе неоднократно отмечалось, что формы единственного числа не всегда обозначают единичность, а множественного – множественность. В зависимости от контекста противопос-

тавление по множественности представлено с неодинаковой четкостью (ср. Ногálek 1979, 309). Наиболее четко данное противопоставление в тех случаях, где речь идет об определенных предметах или же лицах, связанных с определенной конкретной обстановкой: здесь различия в грамматическом числе существительного соответствуют различиям в фактическом числе предметов. Наряду с этим существуют контексты, в которых положение категории числа другое. В виду имеются, например, обобщающие формулировки взглядов, правил, предписаний, в которых различие в грамматическом числе или ослабляется, или вообще снимается. В связи с этим при тех же условиях контекста оказываются однозначными (ср.: *Ребѐнка не следует наказывать || Детѐй не слѐдует наказывать*). При обобщающем значении маркированная форма множественного числа может заменяться немаркированной формой единственного числа. Единичный предмет || лицо в таких случаях рассматривается как представитель всего класса однородных предметов // лиц (ср.: *Всегда имѐй хорошó отточѐнный карандаш, Охóта на тѐгра опасна, Жѐнщине предоставлены равные права с мужчиной, Собáка – друг человека, Любите кни́гу – источник знáний, Лучший пропагандѝст спектакля – сам зрѝтель, Нѹ́жно пахáть, сѣять: без бѹлки не проживѝшь, Приближáется весна́, и день ужѐ замѣтно прибáвился, Весь мѣсяц питáлись рѹбóй, Июль – цветѣт ли́на*).

Именно в таком обобщенном смысле воспринимается форма единственного числа в профессиональной речи, например, при названии пород деревьев (ср.: *В нáшем лесѹ растѣт ель, берѣза, сосна; Кана́дский тóполь поража́л скóростью рóста, высотóй и толщинóй ствола́*).

В контекстах, где мы имеем дело с дистрибутивной предметной отнесенностью (сказаное относится к каждому упомянутому предмету // лицу в отдельности и ко всем предметам // лицам в общем), отсюда следует двоякая возможность языковой стилизации той же ситуации и, следовательно, возможна и двоякая форма выражения грамматического числа (ср.: *Все покачáли головóй × Все покачáли головáми, Полисмѣны насѝльно сажáли за руль шофѐров × Шофѐры сверка́ющих автомобилей положи́ли рѹки на рулѝ, Ли́стья поворачивались ребрóм к свѣту × Ли́стья эвкали́птов всегда повѣрнуты рѣбрами к сол́нцу, и потому́ в эвкали́птовых лесáх нет тѣни*).

В определенных словосочетаниях с предлогом предпочитается форма множественного числа (ср.: *мужчи́ны в шубáх, господá в фóрменных сюртукáх, художники в ширóких шляпáх, пожарные в мáсках, да́мы с му́фтами, собáки с вѝгнутыми хвостáми, роско́шные номерá с ван́ными, ночнѝе сто́лики с мраморными доскáми, домашние ту́фли с язычкáми*).

Возможность выбора не означает полную семантическую безразличность во всех контекстах подобного рода; наоборот, везде, когда исключена возможность глобального недифференцированного восприятия, маркированная форма числа не заменима немаркированной, ср.:

дамы в модных шляпах, цветочницы с красными лицами (ср. Horálek 1979, 311).

В случае, когда контекст создает условия для противопоставления единственного и множественного числа, форма единственного числа выражает единичность (ср.: *шляпа с бантом – шляпы с бантом × шляпы с бантами*).

В некоторых обстоятельственных выражениях форма множественного числа может подчеркивать узואльное или кратное значение глагольной формы (ср.: *Четвергй, как всегда, мы принимаем; В трудных случаях он мог подать неглупый совет*).

Из вышесказанного следует, что с грамматическими формами числа связаны разные лексические значения. В строе имени существительного категория числа является категорией лексико-грамматической. При этом категория единственного числа определяется в своих функциях лишь соотносительно со значениями множественного числа.

ЛИТЕРАТУРА

- АРБАТСКИЙ, Д. И.: *О лексических значениях форм множественного числа имен существительных в современном русском языке*. НДВШФН 1958, 4, 65–74
- АРБАТСКИЙ, Д. И.: *О колебаниях в числе имен существительных*. РЯШ 1963, 5, 13–17.
- БОНДАРКО, А. В.: *Теория морфологических категорий*. Ленинград, “Наука”, 1976.
- ВАЛГИНА, Н. С. – РОЗЕНТАЛЬ, Д. Э. – ФОМИНА, М. И.: *Современный русский язык*. Под ред. Н. С. Валгиной. Изд. 6-е, переработанное и дополненное. Москва, “Логос”, 2001.
- ВИНОГРАДОВ, В. В.: *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Изд. 2-е. Москва, „Высшая школа”, 1972.
- ДЕГТЯРЕВ, В. И.: *Категория числа в славянских языках*. Ростов-на-Дону, Изд-во Ростовского университета, 1982.
- ДЕГТЯРЕВ, В. И.: *Происхождение имен pluralia tantum в славянских языках*. ВЯ 1982, 1, 65–77.
- ДЕГТЯРЕВ, В. И.: *Собирательность и категория числа в истории славянских языков*. ВЯ 1982, 4, 92–101.
- ДЕГТЯРЕВ, В. И.: *Плюрализация имен собирательных в истории славянских языков*. ВЯ 1987, 5, 59–73.
- ЗАЛИЗНЯК, А. А.: *Русское именное словоизменение*. Москва, “Наука”, 1967.
- ИСАЧЕНКО, А. В.: *Грамматический строй русского языка. Морфология. Часть первая*. Братислава, Изд-во Словацкой Академии наук, 1954.
- КОВАЛЕВ, В. П.: *Категория числа как выразительное средство*. РР 1974, 4, 85–88.
- РОЖКОВА, Г. И.: *Русский язык в нерусской аудитории. Спецкурс по основам функциональной грамматики*. Москва, Изд-во Московского университета, 1986.
- РОЖКОВА, Г. И.: *Очерк практической грамматики русского языка*. Изд. 2-е, исправленное. Москва, “Высшая школа”, 1987.
- ШВЕДОВА, Н. Ю.: (ред.): *Русская грамматика I*. Москва, “Наука”, 1980.
- HAVRÁNEK, V.: (red.): *Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy I. Hláskosloví a tvarosloví*. SPN, Praha 1961.
- HORÁLEK, K.: (red.): *Русская грамматика I*. Academia, Praha 1979.

STRAKOVÁ, V.: *Ke kategorii čísla*. In: Rusko-české studie. Sborník Vysoké školy pedagogické v Praze. SPN, Praha 1960, 75–80.

STRAKOVÁ, V.: *Kolektiva a singulativa*. RJ 13 (1962/63), 388–389.

ŽAŽA, S.: (red.): *Morfologie ruštiny I*. Skriptum. Masarykova univerzita, Brno 1996.

ZPŮSOBY VYJÁDŘENÍ KATEGORIE ČÍSLA U SUBSTANTIV V RUŠTINĚ

Kategorie čísla představuje gramatický prostředek s odrazovou, kognitivní a strukturní funkcí, jehož sémantickou složkou je protiklad singularity × plurality (kvantitativní určenosti × neurčenosti); tento protiklad se odráží ve dvou souborech tvarů substantiv – singulárovém a plurálovém. Tyto dva soubory tvarů zároveň vyjadřují rod a pád. Číslo se tedy spolupodílí na vytváření deklinačního typu substantiv.

Podle toho, jak substantiva ve své tvarové soustavě realizují protiklad singulár × plurál, dělí se substantivní slovní zásoba do dvou skupin, a to na jména rozlišující protiklad singuláru a plurálu (jejich důležitým rysem je spojitelnost se základními číslovkami) a na jména stojící mimo protiklad singuláru a plurálu (jde o tzv. jména nepočítatelná, která se začleňují do morfologického systému jako *singularia tantum* nebo *pluralia tantum*). Hranice mezi substantivy s oběma číselnými paradigmaty a substantivy s pouze jedním číselným paradigmatem je značně nepevná. Zejména *singularia tantum* snadno přijímají tvary plurálové. Tomuto problému je mj. věnována pozornost v předkládaném příspěvku.

Aleš Brandner

Ústav slavistiky FF MU

Arna Nováka 1

602 00 Brno

e-mail: brandner@phil.muni.cz